

Что касается тех блуждающих духов, которые не ступали в Царство Призраков, они могут лишь привязываться к таким носителям, как нефрит, и влечить жалкое существование. Если они покинут носитель, их ждёт лишь рассеяние.

А уж захват тел или одержимость — это и вовсе нечто эфемерное, что случается крайне редко.

Тело и душа обладают совместимостью, и не каждого живого человека можно использовать как вместилище.

Относительно проще, если есть кровное родство.

Оуян смог вернуться в мир живых, потому что встретил своего правнука, маленького Оуяна, чья душа идеально совпала с его собственной.

Тело управляющего Чжуана также было взято у его прямого потомка.

Что касается Су Су и других, то Оуян долго искал, перебирая одно тело за другим, потратив много времени и сил, чтобы найти подходящие для них тела.

Э-э, подождите...

Кровное родство?!

Оуян вдруг подумал о возможном объяснении и невольно вздрогнул, на его лице появилось выражение лёгкого ужаса.

— Что случилось? — Ци Юньхэн, всё это время наблюдавший за Оуяном, сразу же спросил, заметив изменение в его выражении.

— Ничего, просто... стало как-то зябко. — Оуян поспешно прикрылся страхом, схватил Ци Юньхэна за рукав и тихо сказал:

— Давай вернёмся, если останемся здесь дольше, боюсь, ночью приснится кошмар.

— Тогда пойдём! — Ци Юньхэн и сам не хотел больше оставаться в этом странном месте, и, услышав слова Оуяна, сразу же согласился.

Более того, пока его люди не выяснят, что произошло, Ци Юньхэн не собирался больше сюда возвращаться и тем более не собирался приводить сюда Оуяна!

Странные события во Дворце Юнтай выбили Ци Юньхэна из колеи, и у него пропало желание заниматься государственными делами.

Вернув Оуяна во Дворец Тайхуа, Ци Юньхэн не стал сразу отправлять его домой, а сначала приказал евнуху Вэю вызвать Чжу Бяня, Пань Учуня и Гао Мина, а затем, обняв Оуяна, вошёл в спальню покои.

На словах он хотел помочь ему переодеться, но, сняв с него одежду евнуха, Ци Юньхэн уложил Оуяна на кровать.

— Эй!

Оуян раздражённо посмотрел на него, но обнаружил, что Ци Юньхэн не собирается продолжать, а лишь лёг рядом, обнял его и замер, не произнося ни слова.

Оуян поспешно изменил выражение лица, поправил положение тела и лёг на бок лицом к Ци Юньхэну.

— Что случилось, ты тоже испугался? — с притворной тревогой спросил Оуян.

— Я не настолько труслив. — Ци Юньхэн ответил с каменным лицом.

Услышав его обращение к себе в третьем лице, Оуян понял, что настроение Ци Юньхэна действительно плохое, и тут же спросил:

— Какая трусость? Ты что, действительно думаешь, что это дело рук призраков?

— Я не из тех глупцов, кто верит в такие вещи. К тому же ты получил свою узорчатую бумагу при свете дня, разве днём могут быть призраки? — Ци Юньхэн презрительно прищурился и фыркнул.

— Скорее всего, император Синхэ всё ещё жив и специально устраивает эти инциденты, чтобы досадить нам!

— Если ты это понял, то о чём переживать? Встретим проблему лицом к лицу! — сказал Оуян.

— Просто... я немного расстроен. — Ци Юньхэн поднял руку, схватил Оуяна за голову и прижал к своей груди, не позволяя ему увидеть своё выражение лица.

— Когда я думаю, что кто-то, возможно, хочет отнять тебя у меня, я... я не отдам Чунъяня никому! Ни за что!

Оуян не знал, смеяться ему или плакать, его чувства были сложны и неоднозначны, и он невольно насмешливо сказал:

— Хватит выдумывать, все считают меня сорняком, только ты, слепой, считаешь меня драгоценностью.

— Чунъянь и есть драгоценность, моя большая драгоценность! — Ци Юньхэн громко фыркнул, но затем добавил:

— Но я также искренне надеюсь, что все остальные считают тебя сорняком, думают, что ты пустоголовый невежда, чтобы эта жемчужина оставалась только для меня.

— ...Можно я тебя укушу? — угрюмо спросил Оуян.

«Хорошие слова, но почему-то они не радуют».

«Какая жемчужина, какой сорняк, я же человек!»

Оуян мысленно возмутился.

— Чунъянь... куда хочешь укусить? — Услышав его вопрос, Ци Юньхэн вдруг изменил тон, в его голосе появилась доля насмешливости.

— Ты позволишь мне укусить... тьфу, тьфу! Я ничего не говорил! — Оуян уже успел произнести это, прежде чем осознал, что его слова могут быть истолкованы двусмысленно. Мозг тут же начал восхищаться богатством китайского языка.

Ци Юньхэн, как и ожидал Оуян, злорадно засмеялся, отпустил его, чтобы увидеть выражение его лица, и сказал:

— Как же так? Сказал — значит сказал. Слово мужчины — как стрела, выпущенная из лука.

— Когда ты видел, чтобы я был мужчиной? — Оуян всё ещё пытался выкрутиться, но Ци Юньхэн уже начал действовать, толкая его под себя и уговаривая:

— Ну, Чуньянь, дай мне укусить! Хотя бы разок! Правда!

«Мужчины в постели никогда не останавливаются на одном!»

Оуян раздражённо закатил глаза и пригрозил:

— Ты уверен, что хочешь, чтобы я тебя «укусил»?!

Он тоже был мужчиной и прекрасно понимал, насколько ненадёжны такие уговоры, но, полупротестуя, он уже скользнул к поясу Ци Юньхэна.

Молча подготовив себя морально, Оуян наконец протянул руки и развязал пояс Ци Юньхэна...

.....

.....

Вскоре Ци Юньхэн прикрыл глаза и начал тяжело дышать, удовлетворённый.

Оуян никогда не учился играть на флейте, и даже с инструкциями Ци Юньхэна результат был далёк от идеального.

Едва он начал делать успехи, как евнух Вэй громко объявил за дверью:

— Ваше Величество, те трое, кого вы вызвали, уже здесь!

Ци Юньхэн был крайне раздражён.

Однако, подумав, он всё же оттолкнул Оуяна, поправил штаны и поднялся, чтобы заняться важными делами.

— Жди меня на кровати, я скоро вернусь. — Ци Юньхэн застегнул пояс, наклонился и дважды поцеловал Оуяна в щёку.

— Подумай, что ты сделал не так, и когда я вернусь, мы продолжим.

— Пошёл бы ты уже! — Оуян раздражённо посмотрел на него.

Ци Юньхэн усмехнулся и вышел.

Оуян тут же потерял свои уставшие щёки, лёг на подушку и бросил в сторону уходящего Ци Юньхэна злобный взгляд.

«О чём думать? Если не ел свинину, то хотя бы видел, как свинья бежит!»

В своё время он прошёл через тысячи цветов, не задев ни одного. Хотя он никогда никому не служил, его самого не раз обслуживали, и, даже подражая, он не мог быть настолько тупым.

Просто он специально притворился глупым, чтобы порадовать жену!

Конечно, это также было способом избежать того, чтобы жена увлеклась и требовала от него таких услуг в будущем.

Оуян раздражённо скривился, продолжая тереть щёки, и сосредоточился на размышлениях о странностях во Дворце Юнтай.

Судя по текущей ситуации, неизвестно, жив ли император Синхэ, но император Канлун Чжао Хэ вполне мог, как и он, получить необычный шанс. Неизвестно только, захватил ли он тело своего потомка — например, императора Синхэ — или же, как Чоу Нью, нашёл другой способ.

Но, если подумать, даже если Чжао Хэ действительно жив, зачем ему связываться с ним?

Неужели Чжао Хэ знает, что он — тот самый Оу Янь?

Оуян нахмурился, размышляя, и наконец его осенило.

— Нефритовая подвеска!

Если Чжао Хэ по какой-то причине связался с императором Синхэ, например, через тайную комнату, он мог узнать от него, что он забрал особый ключ, открывающий доступ к внутреннему хранилищу.

Оуян узнал о королевском хранилище от самого Чжао Хэ. Только тогда Чжао Хэ ещё не был императором и не брал его с собой внутрь. Но если Чжао Хэ смог поместить две нефритовые подвески в хранилище, значит, он уже побывал там, и, возможно, у него был способ войти без ключа.

<http://bllate.org/book/16203/1454794>